

ТЕМА — РОССИЯ

2 января исполнилось 60 лет со дня рождения писателя-краеведа доктора филологических наук Алексея Кондратенко

Трудовой путь он начинал в «Орловской правде» в 1986 году, был корреспондентом, заместителем главного редактора. За это время опубликовал в областной газете около 400 статей, очерков и заметок. Ныне работает в Орловском Доме литераторов, возглавляет областную организацию Союза писателей России.

Губернский писатель — дискуссия на эту тему не так давно состоялась в Доме литераторов. Кто-то был за такое определение статуса провинциального автора, кто-то — против (например, калужанин Вадим Терехин признаёт только разряд «российский писатель»). Лично мне, понятно, не оставалось ничего другого, как отнести себя к когорте губернских писателей.

Я вырос в Воронеже на рабочей окраине, где, в отличие от центра большого города, не было музеев, дворцов культуры или книжных магазинов, а библиотека ютилась в двух комнатах заводского общежития. Хорошо, если раз в год удавалось купить незамысловатый краеведческий сборник или попасть на лекцию местного собирателя старины. Но История была вокруг с самого рождения: мы без труда находили осколки и пули на поле яростных боёв 1942 года, с гордостью говорили о рождении в Воронеже петровского флота, с любопытством посматривали на заброшенные здания храмов и на уже редкие паровозы. Имена Кольцова, Никитина, Бунина звучали для нас как родные... Хотелось и самому открыть новые страницы истории, найти ответы на непростые вопросы...

С этим настроением (а лучше сказать, предчувствием) я приехал на работу в Орёл после Воронежского госуниверситета. Вспоминаю с тёплым чувством своих наставников — краеведов В. А. Власова, В. Г. Сидорова, Н. М. Чернова, В. Г. Емельянова, ныне здравствующих воронежских писателей В. В. Будакова и О. Г. Ласунского.

Освоение навыков краеведческой работы — дело трудное, но иного, «королевского», пути здесь нет и не может быть. Благо в Орле исторически сложилась плодотворная среда: библиотеки, музеи (особенно Тургеневский с уникальными фондами), архивы, краеведческие общества и конференции, редакции газет и журналов... Всё это открывало и открывает большие возможности. Однако сами по себе они «не работают». Наш мэтр краеведения Василий Катанов когда-то с убежденностью сказал: надо минимум восемь-десять лет, не менее, чтобы из новичка

получился достойный мастер. Добавлю от себя: вряд ли можно рассчитывать на выходные дни или отпуска, но тем скорее выработается привычка к каждодневному труду...

Повезло мне ещё и потому, что в «Орловской правде» (на её страницах, к сведению библиографов, самое большое количество моих публикаций) тогда открылась краеведческая страница «Истоки». Она стала для меня первой школой изучения истории края, здесь я получил дипломы лауреата трёх всероссийских конкурсов прессы.

Именно в «Орловской правде» меня заинтересовали история редакций, судьбы газетчиков. Такой путь, как у нас в России, не прошла журналистика ни в одной стране мира. Её летопись читалась как захватывающий роман-эпопея, где были и есть великие события, драмы, герои, сродни античным богам, и люди эпизода, лишь единожды упоминавшиеся в официальных документах. Много я повидал на своём веку этих незабываемых современников! Да, порой чудаковатые, нервные, почти всегда энергичные и увлечённые решением проблем, с лукавинкой и состраданием к людям. Они из той прослойки провинциальной интеллигенции, которая выносила на плечах страну из всех невзгод, строила и созидала, воспитывала и совестила (да что там журналисты: разве мало таковых было среди учителей, врачей, инженеров, тех же партработников или военных?). Мне очень хотелось рассказать о таких людях. И если кому-то казалось, что это уходящая прослойка, то я тем более хотел писать, что называет-

ся, в назидание потомкам.

Но почему на основе именно местных изысканий возникла тема «большой» России? Да просто, занимаясь темой областной печати, я поймал себя на мысли: а с какой стати американцы пыжались диктовать свои СМИшные стандарты всему миру, и нам — в первую очередь?

Почему они вообще предъявляют требования нам, народу с историей и с исконными ценностями? Взять, к примеру, историко-философское наследие ливенских уроженцев Фёдора Ростопчина или Николая Данилевского (на эти могучие фигуры мне в 1993 году посоветовал обратить внимание признанный тургеневед Николай Чернов — он тогда сетовал, что в силу возраста уже «не поднимет» их). Об этих земляках вышла моя книга в преддверии 180-летия со дня рождения Данилевского. Не скрою, приятно было видеть, как широко отмечалось недавно в Орловской области 200-летие автора «России и Европы», в Ливнах ему открыли памятник.

Или тема железных дорог — важная часть общей истории экономики, где Орловщина — узловым пунктом начального развития магистралей России. Я много рассказывал читателям о наших земляках: деятелях православия, сенаторе Григории Теплове, предпринимателях Мальцовых, филологах Иване Белорусове и Александре Кирпичникове, «строителе» Кавказских минеральных вод Семёне Смирнове, военачальниках, писателях... Писал о немцах (не фашистах) и венграх, поляках и уроженцах Прибалтики, судьбы которых связаны с Орловщиной... Но разве это герои

только узкокраеведческих сочинений? Мне думается, что во всех этих биографиях, на всех этих лицах отражалась историческая судьба России.

Так для меня, воронежца по происхождению, открывалась орловская история, да и в целом история России. Помню, как в 1991-м поразили стихи Бориса Пастернака, написанные в 1941 году:

*Сквозь прошлые перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.*

Так писал он в начале великой войны, а в октябре 1943 года (поэт только что вернулся из поездки по освобождённым районам Орловщины) сложились у него такие строки:

*Люблю вас, далёкие
пристани
В провинции или
деревне.
Чем книга чернее
и листанней,
Тем прелесть её
задушевной.*

*Обозы тяжёлые двояга,
Раскинувши нив
алфавиты,
Россия волшебною
книгою
Как бы посредине
открыта.*

Недавно вышла в свет моя книга о поэтах войны «С боем взяли мы Орёл!». В ней нет очерка о Пастернаке. Но он обязательно будет в продолжении — в будущей книге с рабочим названием «Военные дороги поэтов». Хочу рассказать в ней не только о Пастернаке, но и об Иване Новикове, Николае Брауне, Павле Шубине, Алексее Резапкине...

И опять вопрос: разве

темы этих очерков очерчны только границами Орловщины? Нет, это будет повествование в целом о войне и России, Советском Союзе, обо всём человечестве в его трагическую годину. Но и без Орловщины, средоточия мира (определение Ивана Новикова), невозможно, наверное, говорить о военной поэзии в целом. Истинного краеведа всегда вдохновляет сознание того, что перед тобой на рабочем столе не просто история села или улицы, а история частицы России. Но ведь в живом организме всё сущее необходимо, всё служит общему благу и откликается болью...

При всём почтительном отношении к краеведам-подвижникам (особенно в глубинке) доводилось слышать и то, что краеведение — удел старых неудачников. Сталкивался с предубеждением иных поэтов и прозаиков против коллег по творческому цеху — писателей-краеведов. Что ж, эта настороженность (а чаще просто зависть — книги о местной истории особо востребованы читателем) только заставляет тщательнее работать над документальной основой, сюжетом и словом. А уж кто был прав — время рассудит. Но изначально согласен с тем, что сама по себе краеведческая тема (местночтимая, патриотическая, приуроченная к дате и т. д.) никак не может служить оправданием плохого стиля, канцеляризма, празднословия. Наоборот, здесь нужна словесная «отделка» не менее тщательная, чем в стихах о любви или в повести о нравственных исканиях.

Почти все герои моих очерков и исторических повестей — провинциалы, уроженцы Орловщины. Вот и попробуй предложить рукопись, например, в столичный альманах, в журнал Красноярска или Петрозаводска. Скорее всего услышишь дружеский совет печататься у себя в губернии.

На самом деле бывает и иначе. Вот уже три года все номера журнала «Культура и наука Дальнего Востока» (Хабаровск) выходят с моими публикациями на тему связей Орловщины и Дальневосточного региона. Плодотворным оказалось сотрудничество с псковскими краеведами — с 2015 года я написал для их сборников больше десятка очерков. Десять лет заочно участвую в Шмелёвских чтениях в Алуште, восемь лет — в Есенинских конференциях в Институте мировой литературы им. М. Горького в Москве и Рязани. В воронежском журнале «Подъём» вышло уже 20 публикаций... Этот перечень городов можно продолжать (Санкт-Петербург, Брянск, Саратов, Пермь и т. д.).

Да, иногда друзья-журналисты упрекают за сосредоточенность на провинциальной истории. Да, говорят о необходимости

написать книгу общероссийскую. Но что же делать с такой дорогой сердцу привязанностью к краеведческой теме? Уехать в Москву, стать глашатаем больших истин и взяться за создание учебника с министерским грифом? Будет ли прок? Может, вернее остаться с привычными героями, дедовским календарём, где за каждой строкой ждёт дотошного читателя то житейская мудрость, то тёплое воспоминание, то отблеск утраченной красоты.

Мне памятно, как пожилая представительница русской эмиграции на большой вопрос о том, почему дворянство не удержало власть в 1917 году, ответила просто: «Они не могли и не хотели понять всю сложность и красоту такой страны, как Россия». А можем ли мы, хотим ли мы? За три с половиной десятилетия (после снятия запретных тем, открытия архивов) нашими краеведами по крупицам воссоздана большая история малой родины, часть общей истории Отечества. Библиотечные полки с этими разноплановыми книгами и журналами — наша опора в дни раздумий и сомнений, в дни испытаний. Не будь краеведения, чем бы мы ответили теперь на агрессивные, да что там, сумасшедшие нападки и вопли о том, что у москалей-де не было ни героев, ни традиций, ни национальной самобытности? А сколько грязи вылило и льётся сейчас на такие черты народного характера, как открытость, доброжелательность, нестяжание?

Работая над исторической прозой, краеведу страшно усомниться, потерять веру в себя или подменить эту веру зазнайством, привычкой к халтуре. Но разве нет вопросов, утрат? Мне бы, к примеру, очень хотелось, чтобы в Орле был создан центр по изучению истории Центральной России или центр русского зарубежья. Тревожат отсутствие или слабый приток новых сил в краеведческое движение. Да, хотелось бы больше, но дело не в количестве, а в качестве. Вспомним призыв из оды Ломоносова:

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр
своих...*

...Недавно на одной из презентаций я предложил краеведу Александру Полюнкину написать пособие по краеведению: пусть методы мастера станут доступными для всех. В первую очередь для тех, кто серьёзно интересуется историей своего края. Не нужно насильно «рекрутировать» в краеведы». Но нужно своим примером звать в этот удивительный мир познания и открытий. Имя нашей обшей теме — Россия.

Алексей
КОНДРАТЕНКО